

Совершенно секретно

1937(VI)

X

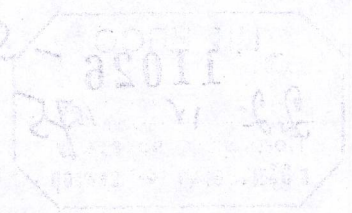
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В соответствии с решением Комиссии ЦК КПСС от 2 июля 1956 года направляю Вам справку по делу "антисоветской троцкистской военной организации".

И Серов
И. СЕРОВ

"10" июля 1956 года

№ 1703-С

Совершенно секретно

СПРАВКА

по материалам дела "антисоветской троцкистской военной организации"

1. Возникновение дела

По делу "антисоветской троцкистской военной организации" были преданы суду:

- 1. ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич
- 2. КОРК Август Иванович
- 3. ЯКИР Иона Эммануилович
- 4. УБОРЕВИЧ Иероним Петрович
- 5. ПУТНА Витовт Казимирович
- 6. ЭЙДЕМАН Роберт Петрович
- 7. ПРИМАКОВ Виталий Маркович и
- 8. ФЕЛЬДМАН Борис Миронович

Все они 11 июня 1937 года были осуждены специальным судебным присутствием Верховного суда Союза ССР к высшей мере наказания - расстрелу.

До ареста перечисленных лиц никакими агентурными материалами о существовании троцкистской военной организации органы НКВД не располагали. ТУХАЧЕВСКИЙ, начиная с 1921 года, находился под постоянным агентурным наблюдением, однако каких-либо данных о том, что он являлся "военным заговорщиком", от агентуры не поступало.

Из числа осужденных первыми в августе 1936 года были взяты под стражу примыкавшие в прошлом к троцкистской оппозиции ПУТНА и ПРИМАКОВ, в отношении которых имелись показания

ранее арестованных ДРЕЙЦЕРА, РЕЙНГОЛЬДА, МРАЧКОВСКОГО и ПИКЕЛЯ о принадлежности их к антисоветской военной организации.

Так, ДРЕЙЦЕР, привлекавшийся к ответственности по делу "об'единенного троцкистско-зиновьевского центра" 7 августа 1936 года показал, что он в конце 1932 г. при встрече с ПУТНОЙ, восстановил с ним связь по троцкистской работе. Во время этой встречи, как далее показал ДРЕЙЦЕР, ПУТНА рассказал ему о своей связи в Берлине с СЕДОВЫМ и передал в устной форме содержание предназначавшейся для троцкистско-зиновьевского центра директивы Троцкого о переходе к террору против руководителей советского государства и в первую очередь против И.В.СТАЛИНА и К.Е.ВОРОШИЛОВА.

В свою очередь ДРЕЙЦЕР, по его словам, в конце 1934 г. и в феврале 1936 г. поручал ПУТНЕ связаться за границей, куда он выезжал по служебным делам, с СЕДОВЫМ и ТРОЦКИМ и проинформировать их о ведущейся участниками троцкистской организации ШМИДТОМ и КУЗЬМИЧЕВЫМ подготовке убийства К.Е.ВОРОШИЛОВА.

Другой обвиняемый, также прошедший по делу "об'единенного троцкистско-зиновьевского центра", РЕЙНГОЛЬД на допросе от 15 августа 1936 г. показал, что в троцкистско-зиновьевскую группу, существовавшую в Красной Армии и возглавлявшуюся якобы МРАЧКОВСКИМ, входили ПРИМАКОВ, ПУТНА, КУЗЬМИЧЕВ и ШМИДТ, о чем ему было известно от ДРЕЙЦЕРА и самого МРАЧКОВСКОГО.

В приобщенных к делу показаниях МРАЧКОВСКОГО ничего не говорится относительно того, что он возглавлял троцкистско-зиновьевскую организацию в Армии, однако, содержится утверждение о том, что ПРИМАКОВ и ПУТНА в 1932 году ДРЕЙЦЕРОМ были вовлечены в боевую террористическую группу, состоявшую из военных.

ПИКЕЛЬ показал только о том, что в октябре 1930 г. в Берлине он имел беседу с ПУТНОЙ, который допускал тогда выпады против И.В.СТАЛИНА и К.Е.ВОРОШИЛОВА.

Необходимо отметить, что изложенные выше показания в отношении ПУТНЫ и ПРИМАКОВА от ДРЕЙЦЕРА, РЕЙНГОЛЬДА, МРАЧКОВСКОГО и ПИКЕЛЯ были получены незадолго до окончания следствия по их делу. Ранее же, говоря о своих преступных связях и перечисляя большое количество известных им участников троцкистско-эиновьевской организации, они в числе их ПУТНУ и ПРИМАКОВА не называли.

Будучи арестованными, ПУТНА и ПРИМАКОВ на допросах длительное время никаких показаний в отношении ТУХАЧЕВСКОГО, КОРКА, УБОРЕВИЧА, ЯКИРА, ЭЙДЕМАНА и ФЕЛЬДМАНА не давали, хотя и заявляли, что в Армии якобы существовала военно-троцкистская организация и называли состав ее центра.

Один из основных следователей дела о "военном заговоре" УШАКОВ, будучи сам арестован показал (желая подчеркнуть свои "заслуги"), что дело на ТУХАЧЕВСКОГО и других возникло после того, как обвиняемый комбриг МЕДВЕДЕВ М.Е. дал показания о преступной деятельности ФЕЛЬДМАНА, от которого затем уже и было получено признание о существовании военного заговора во главе с ТУХАЧЕВСКИМ.

Арестованный бывший начальник УНКВД по Московской области РАДЗИВИЛОВСКИЙ А.П. показал, что МЕДВЕДЕВ был взят под стражу по личному указанию ЕЖОВА "без каких-либо компрометирующих материалов о расчете начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА".

(арх.дело № Р-4673, т.2, л.д. 89)

Об установках ЕЖОВА по делу МЕДВЕДЕВА и условиях, в которых велось следствие по этому делу, РАДЗИЛОВСКИЙ далее показал:

"Поручение, данное мне ЕЖОВЫМ, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного МЕДВЕДЕВА бывш.нач.ПВО РККА и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА.

При этом ЕЖОВ дал мне прямое указание применить к МЕДВЕДЕВУ методы физического воздействия, не отесняясь в их выборе...

Приступив к допросу МЕДВЕДЕВА я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста, как уволен из РККА и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. МЕДВЕДЕВ отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами РККА, осылаясь на то, что после демобилизации он этих связей больше не поддерживал. Когда я доложил о показаниях МЕДВЕДЕВА ЕЖОВУ и ФРИНОВСКОМУ, они предложили "выжать" от него его заговорщические связи и основа подтвердили о том, чтобы с ним не отесняться.

Для меня было очевидно, что МЕДВЕДЕВ человек давно оторванный от военной среды и правдивость его заявлений не вызвала сомнений. Однако, выполняя указания ЕЖОВА и ФРИНОВСКОГО, я добился от него показания о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избития его ФРИНОВСКИМ в присутствии ЕЖОВА, МЕДВЕДЕВ назвал значительное количество крупных руководящих военных работников.

По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл МЕДВЕДЕВ, были им вымышлены и он все время заявлял мне, а затем ЕЖОВУ и ФРИНОВСКОМУ о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности".

(арх. дело № Р-4673, т. 2, л. д. 88-89)

Эти показания объективно подтверждаются материалами дела по обвинению МЕДВЕДЕВА. 8 мая 1937 г. МЕДВЕДЕВ дал показания о вредительстве ФЕЛЬДМАНА, а 10 мая 1937 г. назвал ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и других как руководителей заговора в Красной Армии. Однако, в суде МЕДВЕДЕВ от всех ранее данных показаний отказался как от вымышленных.

Допрашивая ФЕЛЬДМАНА, арестованного на основании Показаний, МЕДВЕДЕВА, б.н.в. пом. нач. 5 отдела НКВД СССР УШАКОВ, ныне известный как крупный фальсификатор, добился от него признания об участии в "военно-троцкистской организации", в которую он якобы был завербован ПРИМАКОВЫМ.

После этого, изучив затребованное из Наркомата обороны личное дело на ФЕЛЬДМАНА, УШАКОВ, как это видно из его собственноручных показаний, только на основании анализа материалов личного дела, в котором сосредотачиваются анкеты, аттестации и характеристики по службе, "пришел" к выводу о том, что ФЕЛЬДМАН "связан по заговору" с ТУХАЧЕВСКИМ. Об этом в показаниях УШАКОВА прямо так и говорится:

"...придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело ФЕЛЬДМАНА и начал изучать его, наряду изучая и его связи. В результате я пришел к выводу, что ФЕЛЬДМАН связан интимной дружбой с ТУХАЧЕВСКИМ, ЯКИРОМ и рядом других крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что ФЕЛЬДМАН связан по заговору с ТУХАЧЕВСКИМ..."

(арх. дело № 975050, т.1, л.д. 171)

Этой по существу явно сфальсифицированной версией УШАКОВ затем предложил руководствоваться следователям в допросах арестованных "с целью вскрытия несомненно существующего в РККА военного заговора", и навязал ее обвиняемому ФЕЛЬДМАНУ.

"...Я... - далее указывал УШАКОВ - поспешил в свою комнату № 713, заперся и вызвал ФЕЛЬДМАНА. К вечеру 19 мая было написано ФЕЛЬДМАНОМ на мое имя известное показание о военном заговоре с участием ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, ЭЙДЕМАНА и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте ТУХАЧЕВСКОГО и ряда других".

(там же л.д. 172)

После этого последовал арест ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА и ЭЙДЕМАНА, которые в ходе следствия и в суде показали о своем участии в "антисоветской троцкистской военной организации" и назвали большое количество командиров и политработников советских вооруженных сил, с которыми они будто бы были связаны по преступной деятельности.

II. Анализ следственных материалов

Привлеченные по настоящему делу к ответственности ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР, УБОРЕВИЧ и другие обвинялись в том, что в целях свержения советского правительства, захвата власти и реставрации в СССР капитализма, в 1932-1933 г.г. они по указанию германского генерального штаба и ТРОЦКОГО создали антисоветскую военно-троцкистскую организацию, возглавлявшуюся "центром" в составе ГАМАРНИКА, ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА, КОРКА, ЭЙДЕМАНА и ФЕЛЬДМАНА.

Указанное обвинение было целиком и полностью построено только на противоречивых и сомнительных показаниях самих обвиняемых.

Большинство проходящих по делу лиц показало, что в военно-троцкистскую заговорщическую организацию они были вовлечены ТУХАЧЕВСКИМ. Однако об обстоятельствах вербовки они дали неубедительные и малоправдоподобные показания.

Так, например, УБОРЕВИЧ в отношении вербовки его ТУХАЧЕВСКИМ показал:

"Хорошо помню, как в марте 1935 г. ТУХАЧЕВСКИЙ вербовал нас и организовал уже антисоветский лагерь...

После доклада ВОРОШИЛОВУ я зашел в кабинет к ТУХАЧЕВСКОМУ, очень взволнованный тем, что хозяин меня очень ругал за прорывы в округе. Тогда ТУХАЧЕВСКИЙ стал развивать передо мной пораженческие идеи, разложил передо мной

7.

карты и доказывал неизбежность поражения, а затем сказал, что под его руководством существует заговорщическая организация".

(арх.дело № 967581, т.12, л.д. 150)

Этой беседы оказалось достаточным для того, чтобы УБОРЕВИЧ оказался вовлеченным в руководство военного заговора.

Аналогичные показания по этому вопросу дали и другие обвиняемые.

В частности, ЭЙДЕМАН показал:

"В беседе с ТУХАЧЕВСКИМ на Военном Совете, который состоялся вскоре после введения в армии персональных званий, я поделился своими настроениями, которые сводились к тому, что в армии старые боевые кадры не ценятся.. ТУХАЧЕВСКИЙ полностью поддерживал мои настроения... В конце беседы он прямо подчеркнул, что имеется в армии организация, как я понял, созданная им...

На другой день... он спросил, не желаю ли я участвовать в этой организации, на что я дал согласие".

(там же, том 14, л.д. 11-12).

В качестве причин, побудивших обвиняемых изменить родине и войти в военный заговор, они как правило указывают не их враждебное отношение к советской власти, а неудовлетворенность своим служебным положением.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, давая показания о времени и обстоятельствах вступления в военно-троцкистскую организацию, обвиняемые как о себе, так и о других лицах сообщали явно противоречивые данные.

Так, вскоре после ареста ЭЙДЕМАН показал, что в организацию он был завербован ТУХАЧЕВСКИМ в 1936 году, а через день на допросе заявил уже, что в "военно-троцкистский заговор" был вовлечен в 1933 году.

Арестованный ЯКИР на следствии утверждал, что в 1933 г., получив его согласие вступить в заговорщическую организацию, ТУХАЧЕВСКИЙ назвал ему как членов центра себя и УБОРЕВИЧА. В дальнейшем же ЯКИР на очной ставке с УБОРЕВИЧЕМ заявил, что о принадлежности последнего к организации он узнал от ТУХАЧЕВСКОГО только в 1934 г.

Проходящий по делу КОРК показал, что с УБОРЕВИЧЕМ он установил преступную связь, по заданию ТУХАЧЕВСКОГО, в 1931 г.

УБОРЕВИЧ же на протяжении всего следствия настаивал на том, что к заговору он был привлечен ТУХАЧЕВСКИМ в 1935 году.

Сам ТУХАЧЕВСКИЙ на допросах и на очных ставках с КОРКОМ и ЯКИРОМ категорически отрицал вербовку им УБОРЕВИЧА и заявлял:

"Я утверждаю, что показания КОРКА об УБОРЕВИЧЕ не соответствуют действительности, тем более, что у меня с УБОРЕВИЧЕМ были натянутые отношения...

Я даже говорил, что он меня все больше из года в год продолжает дискредитировать, поэтому у меня к нему было настороженное отношение".

(там же, том 1, л.д. 90).

Лишь за два дня до суда в заявлении на имя следователя УШАКОВА ТУХАЧЕВСКИЙ "признал", что УБОРЕВИЧ был им завербован в военный заговор летом 1934 года и что УБОРЕВИЧ несколько позже, сообщив ему о вовлечении в заговор БОБРОВА, АПАНАСЕНКО и ТИМОШЕНКО, указал на необходимость "договориться с наиболее крупными командующими, а также с ЕГОРОВЫМ А.И., БУДЕННЫМ и ГАМАРНИКОМ".

Обвиняемый ФЕЛЬДМАН вначале показал, что в военно-троцкистскую антисоветскую организацию он был завербован в 1934 году ПРИМАКОВЫМ, а затем, изменив эти показания, заявил: "В военно-троцкистский заговор я был вовлечен в начале 1932 г. в Москве ТУХАЧЕВСКИМ".

Не менее противоречивые показания давали обвиняемые и по вопросу о времени создания центра военно-троцкистской заговорщической организации и о его персональном составе.

Впервые о центре военно-троцкистского заговора упоминается в показаниях ФЕЛЬДМАНА от 23 мая 1937 г. В них говорится, что в мае-июне 1934 г. ТУХАЧЕВСКИЙ принял решение создать "военный центр" и ввести в него, кроме себя, ПРИМАКОВА и ФЕЛЬДМАНА.

Осужденный же как член центра ЭЙДЕМАН показал о ФЕЛЬДМАНЕ лишь как о предположительном члене центра:

"В состав военно-троцкистского центра входил ТУХАЧЕВСКИЙ, как руководитель. Повидимому, в его же состав входил ФЕЛЬДМАН, с которым ТУХАЧЕВСКИЙ поручил мне поддерживать дальнейшую связь. Кто еще входил в состав военно-троцкистского центра - мне неизвестно".

(там же, л.д. 18).

Характерными в этом отношении являются и показания ТУХАЧЕВСКОГО и ЯКИРА.

Признав наличие военного заговора, ТУХАЧЕВСКИЙ показал, что в состав руководимого им центра, созданного в 1932 г., входили КАМЕНЕВ С.С., ЭЙДЕМАН и ФЕЛЬДМАН.

По показаниям же ЯКИРА, указанный центр в 1933 г. состоял из него, ТУХАЧЕВСКОГО и УБОРЕВИЧА.

КОРК относил к числу участников заговорщического центра кроме себя ТУХАЧЕВСКОГО и ПУТНА, а о ЯКИРЕ, УБОРЕВИЧЕ и ЭЙДЕМАНЕ показал, как о людях, на которых можно "прочно полагаться".

ПУТНА по этому же вопросу дал показания совершенно отличные от показаний КОРКА, назвав на следствии совсем иной состав центра военно-троцкистской организации. В начале 1936 года, показал ПУТНА, ТУХАЧЕВСКИЙ во время поездки на похороны английского короля, информировал его "главным образом о военной организации, рассказав, что существует троцкистское руководство

и назвал в числе этого центра ПРИМАКОВА, себя и ДРЕЙЦЕРА".

ПРИМАКОВ в своих показаниях к этому составу центра добавил еще МРАЧКОВСКОГО и ШМИДТА.

В суде на вопрос председательствующего как и по чьей директиве был организован центр военной организации, ТУХАЧЕВСКИЙ уже ответил:

"Центр составился, развиваясь одновременно. В центр входили кроме меня - ГАМАРНИК, КАМЕНЕВ С.С., УБОРЕВИЧ, ЯКИР, ФЕЛЬДМАН, ЭЙДЕМАН, затем ПРИМАКОВ и КОРК. Центр не выбирался, но названная группа наиболее часто встречалась".

(судебное производство, л.д. 28-29).

ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР и другие привлеченные к ответственности по делу лица обвинялись также в том, что всю свою преступную деятельность проводили под руководством ТРОЦКОГО и в тесном контакте с организацией правых, возглавлявшейся РЫКОВЫМ и БУХАРИНЫМ.

Хотя некоторые из обвиняемых и признали наличие преступной связи с ТРОЦКИМ, РЫКОВЫМ и БУХАРИНЫМ, однако эти показания, как установлено проверкой, также являются несостоятельными и противоречивыми.

В отношении связи с ТРОЦКИМ обвиняемый ФЕЛЬДМАН на следствии показал:

"ТУХАЧЕВСКИЙ мне говорил еще в 1932 году, что он имеет связь с ТРОЦКИМ, от которого получает директивы по работе, но тогда он не называл лица, через которое эти директивы идут к нему и информация от него к ТРОЦКОМУ. В 1934 году в связи с назначением ПУТНЫ в качестве военного атташе в Лондон ТУХАЧЕВСКИЙ сказал, что он через ПУТНУ будет поддерживать связь с ТРОЦКИМ".

(том 3, л.д. 38).

Из показаний же арестованного ПУТНЫ от 15 мая 1937 г. видно, что в 1935 г. он получил указание ТРОЦКОГО лишь позондировать возможность привлечения к военно-троцкистской организации ТУХАЧЕВСКОГО и КАМЕНЕВА.

В то же время сам ТУХАЧЕВСКИЙ показал, что с ТРОЦКИМ он связался в 1932 году через корреспондента газеты "Известия" РОММА, который передал ему установки ТРОЦКОГО по активизации антисоветской работы в СССР и созданию "военной организации".

Посредничество между ТРОЦКИМ и ТУХАЧЕВСКИМ, по его словам, кроме РОММА, в 1934 году осуществлял ПРИМАКОВ, а в 1935 году ПУТНА.

Эти показания ТУХАЧЕВСКОГО в ходе проверки подтверждения не нашли.

По показаниям РОММА (осужден к расстрелу) ТУХАЧЕВСКИЙ не проходит. ПРИМАКОВ на следствии заявил, что о связи ТУХАЧЕВСКОГО с ТРОЦКИМ ему стало известно лишь от других лиц.

УБОРЕВИЧ, КОРК и ЭЙДЕМАН о связи центра военного заговора с ТРОЦКИМ вообще показаний не дали.

Что касается связи военных заговорщиков с руководителями антисоветской организации правых, то эти выводы обвинительного заключения и приговора были основаны лишь на явно надуманных показаниях ТУХАЧЕВСКОГО и КОРКА.

В частности, ТУХАЧЕВСКИЙ, показывая об обстоятельствах, при которых он установил преступную связь с БУХАРИНЫМ, на допросе заявил:

"В 1933 году у меня был первый разговор с БУХАРИНЫМ, происшедший по следующему поводу. Комиссией обороны было принято решение о создании института телемеханики, развернув его из инициативной бригады инж. ПОПОВА, работавшей в институте академика Чернышова. БУХАРИН в то время ведал научными учреждениями НКТП, но в это время был болен. Поэ-

тому для подготовки организационной стороны решения мне с ПОПОВЫМ пришлось пойти на квартиру к БУХАРИНУ. БУХАРИН лежал в постели. По огласовании вопроса о телемеханическом институте, мы с ПОПОВЫМ стали прощаться. БУХАРИН, пока ПОПОВ шел до двери, задержал меня за руку и скороговоркой сказал, что ему известно о моей работе по организации военного заговора, что политика партии губительна, что надо обязательно убрать СТАЛИНА и что поэтому надлежит всячески форсировать организацию и сколачивание заговора.

Так как ПОПОВ остановился, ожидая меня, то я попрощался с БУХАРИНЫМ, сказав ему, что мы работаем энергично и что я обо всем информирую ЕНУКИДЗЕ".

(том 1, л.д. 153-154).

ТУХАЧЕВСКОМУ, ЯКИРУ и другим было вменено в вину, что они с целью совершения государственного переворота создали широко разветвленную заговорщическую организацию.

Признав себя в этом виновными, ТУХАЧЕВСКИЙ и другие в числе завербованных ими лиц назвали большое количество руководящих военных работников центрального аппарата Наркомата обороны и военных округов, а также командиров крупных воинских соединений и частей.

Так, ТУХАЧЕВСКИЙ, кроме проходящих по этому делу ФЕЛЬДМАНА, КОРКА, ПУТНЫ, ПРИМАКОВА и ЭЙДЕМАНА, назвал как завербованных им в военный заговор начальников управления РККА комкоров ЕФИМОВА, АППОГУ и ВОЛЬЦЕ, зам.командующего МВО комкора ГОРБАЧЕВА, начальника военно-инженерной академии комкора СМОЛИНА и других.

Проверкой установлено, что ГОРБАЧЕВ за проявленные подвиги в гражданской войне был награжден тремя орденами Красного Знамени; в последующий период принимал активное участие в строительстве Красной Армии и никаких преступлений против советско-

го государства не совершал. Маршалы Советского Союза С.М.БУДЕННЫЙ, С.К.ТИМОШЕНКО, генерал армии ХРУЛЕВ и другие характеризуют ГОРБАЧЕВА как преданного партии и Родине командира.

В настоящее время ГОРБАЧЕВ посмертно реабилитирован.

Также ныне реабилитированы АППОГА, ВОЛЫПЕ и СМОЛИН.

ФЕЛЬДМАН показал, что им в разное время были привлечены к заговору командующий Балтийским флотом КУРКОВ, зам.командующего Приволжским военным округом КУТЯКОВ, зам.нач.автобронетанкового управления РККА ОЛЬШАНСКИЙ и др.

Как теперь установлено, КУРКОВ, КУТЯКОВ и большинство других, якобы завербованных ФЕЛЬДМАНОМ в военный заговор, в действительности никакой преступной деятельности не проводили, в связи с чем часть из них реабилитирована, а в отношении других лиц возбуждено ходатайство о прекращении на них уголовных дел.

Надуманность показаний участников заговора видна и из того "принципа", которым они якобы руководствовались при вовлечении новых лиц в заговор.

ТУХАЧЕВСКИЙ, например, показал, что ЯКИР, УБОРЕВИЧ и другие члены центра, находя состав заговорщической организации "олишком беспартийным" считали "необходимым усиление не только центра, но даже и рядового состава заговора людьми с большим партийным и политическим весом".

Подобные показания дал и ЭЙДЕМАН, заявивший, что он воздержался от вовлечения в антисоветскую военно-заговорщическую организацию председателей Московского и Ленинградского областных Советов Осоавиахима ГУСЕВА и ФЛИГЕЛЬМАНА, потому что они в прошлом являлись активными виновцами.

Абсурдность показаний ТУХАЧЕВСКОГО и других обвиняемых подтверждает и то обстоятельство, что по материалам дела у одного и того же лица оказывается несколько вербовщиков.

Так, например, ТУХАЧЕВСКИЙ, ФЕЛЬДМАН и ПРИМАКОВ каждый в отдельности заявлял, что ныне реабилитированный СМОЛИН в заговор вовлечен именно им.

Обвинение ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и других в подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства основывалось только на противоречивых показаниях ТУХАЧЕВСКОГО, ФЕЛЬДМАНА и ПУТНЫ.

В показаниях ТУХАЧЕВСКОГО содержится утверждение, что подготовку терактов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) вели три "основных" группы. Первая из них возглавлялась ГОРБАЧЕВЫМ (реабилитирован), вторая - ТУРОВСКИМ, куда входили ШМИДТ и ЗЮКА и третья в Ленинграде - ПРИМАКОВЫМ.

ПРИМАКОВ свою причастность к подготовке террористического акта над ВОРОШИЛОВЫМ на допросах и в суде категорически отрицал.

Арестованный по обвинению в террористической деятельности ШМИДТ вначале виновным себя признал, но затем от всех своих показаний отказался и в заявлении по этому поводу писал:

"Все обвинения - миф, показания мои ложь 100%".
(арх. дело Р-4673, т. 2, л. д. 182).

Таковыми же неправдоподобными и вымышленными являются показания обвиняемых о их вредительской деятельности и подготовке вооруженного восстания.

ТУХАЧЕВСКИЙ, например, так характеризует проводимую им в этой части деятельность:

"В отношении вооружений и боевой подготовки я твердо проводил линию на увеличение силы Красной Армии, что я считал необходимым при всех условиях.

Кадры организации заговора делались обладателем могущественной техники и хорошей военной системы".

(т. 1, л. д. 12).

На вопрос о том, что практически он сделал по подготовке вооруженного восстания, ПРИМАКОВ показал, что в 1934 году он в целях конспирации, все свое внимание направил на завоевание

личного авторитета в армии.

"В результате этой работы, абсолютно законспирировавшись от всех связей и знакомств с троцкистами и создав себе совершенно новую обстановку, уничтожив подозрение ко мне, как к троцкисту, - я достиг того, что был назначен заместителем командующего войсками Ленинградского военного округа".

(т.4, л.д. 45-46)

В ходе проверки материалов настоящего дела все обвиняемые были проверены по архивным материалам органов НКВД, государственному особому архиву, в котором хранятся трофейные материалы германских и французских разведывательных органов.

В результате проверки ничего компрометирующего этих лиц обнаружено не было.

Показания ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА, КОРКА, ЭЙДЕМАНА, ФЕЛЬДМАНА, ПРИМАКОВА и ПУТНЫ о том, что они занимались шпионажем в пользу иностранных государств, выдавая представителям этих государств секретные сведения военного характера, в значительной мере опровергаются материалами проверки.

Так, на следствии ТУХАЧЕВСКИЙ показывал, что еще в 1925 году он передал польскому шпиону ДОМБАЛЮ данные о состоянии частей РККА в пограничных округах и сведения о железнодорожных перевозках.

В суде эти показания ТУХАЧЕВСКИЙ изменил и заявил, что он знал ДОМБАЛЯ не как польского шпиона, а как члена ЦК польской компартии.

В результате проверки выяснилось, что один из лидеров польской компартии ДОМБАЛЬ Т.Ф. был осужден необоснованно и в настоящее время реабилитирован.

Особое место в показаниях ТУХАЧЕВСКОГО и других занимали утверждения о наличии у них в течение ряда лет шпионских связей с представителями германского генерального штаба.

Как показывал, в частности, ТУХАЧЕВСКИЙ, особенно тесная связь с представителями германского генштаба была установлена в 1931 году, когда в Москву приезжал начальник германского генерального штаба генерал АДАМС и офицер генштаба НИДЕРМАЙЕР, который "усиленно его обрабатывал".

Однако по материалам Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны СССР выяснилось, что бывший германский разведчик НИДЕРМАЙЕР О.Ф. в указанный ТУХАЧЕВСКИМ период времени являлся официальным представителем рейхсвера в СССР и в силу имевшихся тогда соглашений контактировал с рейхсвером не только с представителями командования РККА, но и с органами ОГПУ.

Более того, по сообщению Разведупра, НИДЕРМАЙЕР являлся не только ярким противником гитлеризма и сторонником дружбы Германии с СССР, но в 1936 году от него советские военные разведывательные органы даже получили ценную информацию.

Большинство из обвинявшихся по делу т.н. военного заговора лиц на следствии и в суде признавались в том, что они поддерживали шпионскую связь с германским военным атташе в Москве КЕСТРИНГОМ, которому передавали шпионские сведения, используя для этой цели главным образом встречи во время официальных дипломатических приемов.

В связи с этими показаниями арестованных участников т.н. "военного заговора", большое значение приобретают материалы расследования на быв. генерал-майора германской армии ШПАЛЬКЕ К.А., арестованного органами б.МГБ в 1947 году.

ШПАЛЬКЕ являлся кадровым офицером германской армии и с 1925 по 1937 год служил в разведывательных органах германского генерального штаба, специально занимаясь разведкой по Советскому Союзу.

На следствии ШПАЛЬКЕ показал, что в 1926 году он, как представитель генштаба, прикомандировывался к командирам Советской Армии, приезжавшим в Германию для участия в маневрах и учебы в военных академиях.

В числе таких лиц ШПАЛЬКЕ называл ЯКИРА, ПРИМАКОВА, ПУТНУ и других, причем утверждал, что никогда от них никаких данных разведывательного характера не получал.

Являясь руководителем отдела, ведающего разведкой против Советской Армии, ШПАЛЬКЕ был близко связан с военным атташе Германии в Москве генералом КЕСТРИНГОМ, причем ШПАЛЬКЕ утверждал, что от КЕСТРИНГА никаких агентурных материалов не поступало и вся его информация основывалась на официально получаемых данных и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР для участия в маневрах.

ШПАЛЬКЕ показал также, что после того, как германскому генштабу стало известно о том, что КЕСТРИНГ фигурирует в материалах процесса по обвинению ТУХАЧЕВСКОГО и других, как "фашистский генерал в Москве", имеющий преступную связь с этими лицами, КЕСТРИНГ написал опровержение в Наркомат иностранных дел СССР, в котором пытался доказать свою непричастность к этому делу. По показаниям ШПАЛЬКЕ, КЕСТРИНГ возмущался и утверждал, что никаких связей агентурного характера среди командиров Советской Армии у него не имелось.

III. Обстановка на следствии и в суде.

Проверкой установлено, что следствие по делу на участников "антисоветской троцкистской военной организации" проводилось в условиях грубейшего нарушения социалистической законности. В целях принуждения арестованных к даче показаний, подтверждавших версию о существовании "военного заговора", применялись все средства, начиная от избиений и кончая "задабриванием" в виде создания привилегированных условий содержания под стражей.

Так, бывший руководящий работник МГБ СССР БУДАРЕВ В.И., принимавший в прошлом участие в расследовании дела на лиц, обвинявшихся в принадлежности к "военному заговору", показал:

"В период расследования дел Примакова и Путьна было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме".

Это находит подтверждение и в показаниях бывшего сотрудника НКВД СССР БУЛА А.М., который на допросе от 2 июля 1956 года заявил:

"Мне точно известно, что Примаков длительное время никаких показаний не давал, после чего к нему был применен конвейер - он сутками не выпускался из кабинета, а следователи ЭСТРИН и ЭДЛИН (ЭЙДЛИН) взаимно подменяли друг друга.

... Применялись ли какие-либо иные меры физического воздействия к другим арестованным я лично не видел, но со слов других сотрудников Особого отдела я знал, что в Лефортово, где они содержались, к арестованным применялись меры физического воздействия в виде нанесения побоев".

Об избиениях арестованных по делу "антисоветской троцкистской военной организации" показал и бывший сотрудник

Особого отдела НКВД СССР КАРПЕЙСКИЙ Я.Л.

"... в мае месяце 1937 года, -заявил он на допросе от 4 июля с.г., -на одном из совещаний пом.начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия".

Избиениям, как это видно из показаний КАРПЕЙСКОГО, подвергался и арестованный ЭЙДЕМАН. В показаниях КАРПЕЙСКОГО по этому поводу говорится:

"...Агас заявлял Эйдеману, что с ним церемониться не будут и что "не мытьем, так катаньем" от него будут получены показания. При этом Агас заявил ему, что, если он здесь не даст показаний, то с ним будут разговаривать в другом месте. Эйдеман же продолжал отрицать свое участие в заговоре до конца допроса. Агас прекратил допрос и предложил направить Эйдемана в тюрьму. На второй день я был срочно вызван с квартиры в Лефортовскую тюрьму. Придя в следственный кабинет тюрьмы, я там застал Леплевского, Агаса и Дергачева, допрашивавших Эйдемана. При этом перед Эйдеманом лежало уже написанное им заявление на имя наркома о том, что он признает себя виновным и готов дать показания. Леплевский мне предложил записать показания Эйдемана. Допрос вел Леплевский, а я записывал. Необычный тон разговора Леплевского и Агаса с Эйдеманом, а также возбужденное состояние последнего давали мне основания полагать, что в отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы или даже физическое воздействие. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум".

На одном из протоколов допроса ТУХАЧЕВСКОГО обнаружены пятна и помарки буро-коричневого цвета, которые, как установлено экспертизой, содержат кровь. Это также служит косвенным подтверждением того, что ТУХАЧЕВСКИЙ избивался на допросах.

Помимо этого к некоторым лицам, обвинявшимся в принадлежности к "военному заговору", применялись и другие изощренные меры с тем, чтобы принудить их к даче требуемых показаний.

Названный выше ВУЛ об этом, в частности, показал:

"Лично я видел Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому; одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унижить его".

Из имеющихся в деле материалов усматривается, что арестованные по этому делу содержались в тюрьме в крайне тяжелых условиях. В одном из заявлений на имя Ягоды Примаков, например, указал:

"...у меня сердце болит от обиды, когда меня сейчас обвиняют в двурушничестве и троцкизме. Я уверен, что обвинение это будет снято и моя невиновность будет выяснена. Нужно ли теперь держать меня в условиях одиночки, маленькой (3 x 6 шагов) и полутемной (весь день для чтения надо зажигать электричество)? После одиночки 1915 года у меня резкая реакция на темноту и тесноту, а ведь после 1915 года я ползизни провел на коне или в машине. Очень прошу изменить форму ареста и если можно перевести меня в больницу: мне надо лечить почки и растяжение спинных мышц. Ведь я еще буду нужен, я знаю, что я не виновен, это непременно будет выяснено. Нужно ли выматывать меня в той обстановке, в которой я сейчас?"

21.

Заявление Примакова о невыносимых условиях содержания под стражей находит подтверждение в показаниях бывш. начальника отделения Особого отдела НКВД СССР АВСЕЕВИЧА А.А., который на допросе от 5 июля 1956 года сообщил, что в период, когда он допрашивал Примакова, последний был "изнурен, истощен, оборван, у него был болезненный вид".

Наряду с избиениями и издевательствами, в ходе следствия по делу на участников "антисоветской троцкистской военной организации" практиковалась и фальсификация показаний арестованных.

Так, в деле имеется протокол допроса Примакова от 21 мая 1937 года, написанный им собственноручно, в который внесено множество различных неоговоренных исправлений, а в отдельных местах зачеркнуты целые страницы. Впоследствии этот "исправленный" протокол был отпечатан, подписан и также приобщен к делу.

Ряд собственноручных показаний арестованных, как это усматривается из следственных материалов, был написан по прямым подсказкам следователей. Особенно наглядно это видно из заявлений ФЕЛЬДМАНА.

15 мая 1937 года ФЕЛЬДМАН обратился к бывш. помощнику начальника Особого отдела НКВД СССР УШАКОВУ со следующим заявлением:

"Вы и начальник Особого отдела Леплевский, который также беседовал со мной, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе."

(Арх. дело № 967581, т. 3, л. д. 10)

Позже ФЕЛЬДМАН написал другое заявление, в котором признал себя виновным в принадлежности к "военному заговору", а 31 мая 1937 года направил на имя УШАКОВА записку такого содержания:

"Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго... Благодарю за ваше внимание и заботливость - я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого не говорят, но я то знаю от кого".

(там же л.д. 181)

Несмотря на то, что все арестованные по настоящему делу на следствии признали себя виновными, бывшее руководство Особого отдела НКВД СССР, зная истинную цену этим "признаниям", испытывало серьезное беспокойство за исход дела в суде. В связи с этим предпринимались меры к тому, чтобы не допустить отказа арестованных от прежних показаний на процессе. О том, как это делалось, названный выше Авсеевич показал:

"Что же касается подготовки судебного процесса по делу Тухачевского, Примакова и др., то мне известно, что после того, как следствие было окончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии.

Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть вместе с ними в комнате ожидания. В день

суда я находился с Примаковым, согласно указаниям руководства отдела. Перед началом судебного заседания все следователи прибыли в зал, и как только привезли арестованных, я, как и другие работники, пошел в комнату, где был Примаков. Все арестованные находились в отдельных комнатах и с каждым находился следователь. Среди других я помню были УШАКОВ и ЭСТРИН. Я спрашивал Примакова, как он думает себя вести в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем, по указанию руководства еще раз напомнил Примакову, что признание его в суде облегчит его участь. Так говорить было дано указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд.

Далее, я хочу сообщить, что перед самым судебным заседанием, по указанию Леплевского, я знакомил Примакова с копиями его же показаний".

Аналогичные показания дал и упоминавшийся выше КАРПЕЙСКИЙ, который заявил:

"В дни, предшествовавшие процессу по делу Тухачевского и других, Агас привлекал Вецнера, который был хорошо знаком с Эйдеманом (он обслуживал ЦС Осоавиахима) для бесед с последним. Эти беседы, как понял из разговоров с Вецнером, были направлены на то, чтобы предотвратить возможный отказ Эйдемана от его показаний. Вецнер, как он мне говорил, находился в зале судебного заседания при рассмотрении дела".

Таким образом на основании анализа материалов следственного дела и дополнительной проверки можно сделать вывод, что никакого "военного заговора" в составе Тухачевского, Гамарника, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Путьна, Фельдмана и Примакова в действительности не существовало; обвинение их в

24.

этом было сфальсифицировано органами следствия, а "признания" в совершении тяжких государственных преступлений были получены от них путем провокации и физических мучений.